

Научная статья

УДК 94(47).02 + 821.161.1 + 930.24

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-3-36-47>

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ НОВГОРОДСКОГО ПРЕДАТЕЛЯ УПАДЫША В НОВГОРОДСКОЙ IV ЛЕТОПИСИ (ПО СТРОЕВСКОМУ И СИНОДАЛЬНОМУ СПИСКАМ)

**Андрей Андреевич
Деулин**

Санкт-Петербургский государственный
университет. Институт истории
Санкт-Петербург, Россия,
st129584@student.spbu.ru
<https://orcid.org/0009-0003-7959-4453>

Аннотация. В статье анализируется образ новгородского предателя Упадыша, чья фигура занимает важное место в контексте повествования Строевского и Синодального списков Новгородской IV летописи о походе великого князя Ивана III на Новгород в 1471 г. Автор статьи применяется центонно-парафразный метод, основанный на выявлении и анализе прямых и скрытых цитат, содержащихся в анализируемом тексте с целью последующего обращения к контексту их источника. С помощью данного метода в летописном тексте удалось выявить набор немаркированных цитат. Комплекс цитат, взятых летописцем из Триоди цветной и из 108-го псалма, свидетельствует о том, что автор сравнивает Упадыша с новозаветным предателем Иудой, с помощью же цитат, взятых из текста Миней четых за февраль летописец связывал образ новгородского изменника с императором Юлианом Отступником. Также в статье уделяется внимание анализу прямой цитаты, взятой из 1-го Послания апостола Павла к Тимофею, в результате анализа которой можно сделать вывод, что корыстолюбие Упадыша символизировало уклонение от христианской веры и служило антипримером для остальных новгородцев. Сопоставление текста летописи и текстов источников, которыми пользовался ее автор, убедительно доказывает, что он не просто переписывал отдельные выражения, а тщательно подбирал их и компилировал, выстраивая собственный текст. Выявление этих цитат, таким образом, позволило показать, что обличения новгородского изменника не являются авторским текстом, как считалось ранее, но представляют из себя умелую компиляцию, анализ которой дает возможность глубже понять взгляд новгородского летописца. В результате, делается общий вывод о том, что оценка Упадыша летописцем основывалась не на политических пристрастиях автора – для него Упадыш был символом угрозы христианам и христианской вере в Новгороде.

Ключевые слова: Новгород, Новгородская IV летопись, Строевский и Синодальный списки, Упадыш, Иуда, Юлиан Отступник, 1-е Послание апостола Павла к Тимофею, Апостол, Апостол апракос, Толковый Апостол, Триодь цветная, Псалтирь, Миней четья за февраль.

Для цитирования: Деулин А. А. Репрезентация новгородского предателя Упадыша в Новгородской IV летописи (по Строевскому и Синодальному спискам) // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2026. Вып. 3 (27). С. 36–47. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-3-36-47>

Сведения об авторе: А. А. Деулин – студент кафедры истории славянских и балканских стран, Санкт-Петербургский государственный университет, Институт истории, 199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Менделеевская линия, д. 5.

© Деулин А. А., 2026

Scientific Article

UDC 94(47).02 + 821.161.1 + 930.24

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-3-36-47>

REPRESENTATION OF THE TRAITOR UPADYSH IN NOVGOROD FOURTH CHRONICLE (ACCORDING TO STROEVSKY AND SYNODAL LISTS)

Andrey A. Deulin

St. Petersburg State University, Institute of History
St. Petersburg, Russia, st129584@student.spbu.ru
<https://orcid.org/0009-0003-7959-4453>

Abstract. The article analyzes the image of Upadysh, the traitor to Novgorod and a person who occupies an important place in the context of Stroeovsky and Synodal lists narrative of the Novgorod Fourth Chronicle about the campaign of Ivan the Great against Novgorod in 1471. The author uses the cento-paraphrase method, which includes identifying and analyzing direct and unacknowledged quotes contained in the text under consideration in order to refer to the context of their source. Using this method, it was possible to identify a set of unmarked quotes in the chronicle text. Quotes taken by the chronicler from the Pentekostsarion and Psalm 108 indicates that the author compares Upadysh to the betrayer Judas from the New Testament. The chronicler also used quotations from the February text of the Menaion to associate the image of the Novgorod traitor with Emperor Julian the Apostate. The article also focuses on analyzing a direct quote from the First Epistle to Timothy by the Apostle Paul, which suggests that Upadysh's greed symbolized his departure from the Christian faith and served as an anti-example for the rest of the Novgorodians. By comparing the text of the chronicle with the sources used by its author, it becomes evident that Upadysh did not simply copy individual phrases but carefully selected and compiled them to create his own text. By identifying these quotes the author shows that the denunciations of the Novgorod traitor are not the author's text, as previously believed, but rather a skillful compilation, the analysis of which provides a deeper understanding of the Novgorod chronicler's views. As a result, the chronicler's assessment of Upadysh was not based on the political biases, but rather on Upadysh's symbolism as a threat to Christians and the Christian faith in Novgorod.

Keywords: Novgorod, Novgorod Fourth Chronicle, Stroeovsky and Synodal Lists, Upadysh, Judas, Julian the Apostate, First Epistle to Timothy, Apostle, Apostle Aprakos, Exegetical Apostle, Pentekostsarion, Book of Psalms, Menaion for February.

For citation: Deulin, AA 2026, 'Representation of the Traitor Upadysh in the Novgorod Fourth Chronicle (According to the Stroeovsky and Synodal Lists)', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 3 (27), pp. 36–47, <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-3-36-47> (in Russ.)

Information about the Author: *Andrey A. Deulin* – student, Chair of History of Slavic and Balkan Countries, St. Petersburg State University, Institute of History, 5 Mendeleevskaya Line, St. Petersburg, 199034, Russia.

Введение

Строевский и Синодальный списки Новгородской IV летописи представляют собой важнейший источник, излагающий новгородскую точку зрения на события последних лет существования Новгородской республики. Первый датируется 1544 г., второй – 1470–1480-ми гг. [3, с. 167–168]. Их значимость состоит в том, что оба содержат уникальное по сравнению с другими списками летописное продолжение после 1447 г. (до которого идет текст, общий для всех списков, относящихся к младшей редакции Новгородской IV летописи [3, с. 168]), отражающее, как полагал Я. С. Лурье, независимое новгородское летописание [9, с. 132], что позволяет реконструировать, насколько это возможно, новгородский взгляд на процесс покорения Новгородской республики.

В летописном повествовании, посвященном походу великого князя Ивана III на Новгород (1471 г.), особое место занимает фигура предателя Упадыша, заколовшего пять пушек во время ожидавшегося прибытия московских войск под стенами Новгорода. В дореволюционной историографии о нем писали Н. М. Карамзин [7, с. 44] и С. М. Соловьев [28, с. 23], однако они ограничились простым упоминанием факта его измены и последовавшей затем казни.

В советской историографии прослеживается тенденция анализа поведения Упадыша в контексте социально-политической конфронтации, имевшей место в Новгороде после разгрома его основных сил в битве на реке Шелони. Д. С. Лихачев, относя Упадыша к числу сторонников великого князя, заметил, что «Летописец терял присущее ему спокойствие тона, как только подходил к предметам, близко касавшимся его политических убеждений, и раздражался в этих случаях многословными тирадами против своих политических врагов всюду, где находил это возможным» [8, с. 89]. Ю. Г. Алексеев полагал, что «“перевет” Упадыша можно рассматривать как показатель настроения значительных слоев новгородцев, их нежелание сражаться против войск всей Русской земли, за интересы своих олигархов, предававших город и землю польскому королю» [2, с. 158–159]. Данный поступок, по мнению исследователя, «с несомненностью свидетельствует о начинающемся моральном разложении защитников города, об упадке воинского духа, нравственности и дисциплины» [1, с. 81]. Схожей точки зрения придерживался Я. С. Лурье, полагая при этом, что «летописец сочувствовал новгородским “меньшим людям” и осуждал “лучших”» [9, с. 161].

В последних исследованиях достаточно четко прослеживается повышенное внимание к особенностям текста, посвященного новгородскому предателю, и его места в контексте общего летописного изложения событий 1471 г. А. Г. Бобров отметил, что в этом месте «летописец отступает от делового стиля изложения, поднимаясь до высокой патетики» [3, с. 239]. О. Ю. Чирейкина также справедливо замечает, что «финальная часть повести... проникнута патетикой» [31, с. 77]. Н. А. Демичева обратила внимание на то, что «в обращении к предателю Упадышу» представлено «яркое эмоциональное и риторическое начало» [5, с. 96]. Исследовательницы подчеркнули использование автором риторических вопросов и восклицаний [5, с. 96; 31, с. 77], а Н. А. Демичевой было также отмечено частое использование летописцем слов с корнем зъл- [5, с. 96–97]. Таким образом, в современной историографии прослеживается тенденция отхода от классового подхода при анализе характеристики поступка Упадыша в сторону анализа посвященного ему текста.

При этом фигура Упадыша, его образ и символическое место в контексте летописного изложения событий 1471 г. до сих пор являются не до конца раскрытыми, несмотря на его очевидную значимость для летописца. Понять логику автора – значит понять смысл исследуемого текста, его идейную направленность. Для достижения этой цели в работе применяется центонно-парафразный метод, наиболее разра-

ботанный в работах И. Н. Данилевского [4] и А. И. Филюшкина [30] и состоящий в выявлении и анализе прямых и скрытых цитат, содержащихся в исследуемом тексте и дальнейшем обращении к контексту цитируемого памятника, что позволяет приблизиться, насколько это возможно, к летописному замыслу и миновать навязывание источнику современных интерпретаций.

Основная часть

Текст Строевского и Синодального списков Новгородской IV летописи, посвященный обличению Упадыша, как нам удалось выявить, содержит значительное количество цитат из различных богослужебных книг.

При этом сам по себе факт предательства Упадыша, рассматриваемый летописцем в качестве девиантного поступка во время осадного положения в городе, не является чем-то уникальным в древнерусской литературе. Н. А. Демичева отметила, что «осада города является исходной ситуацией, которая провоцирует людей на отклоняющееся от нормы поведение» [6, с. 256], приведя многочисленные примеры из древнерусской литературы, подтверждающие эту мысль. Однако, если модель изложения рассказа о поступке Упадыша действительно является вполне традиционной (в нем содержатся указание на условия, в которых была совершена измена, информация о судьбе предателя и его обличение), то его смысловое содержание, передаваемое составителем летописи с помощью различных религиозных цитат, является уникальным. Заметим также, что летописец посвятил обличению Упадыша больше места, чем описанию Шелонской битвы (15, 5 строчек по сравнению с 11, 3 по печатному изданию текста), которая, на первый взгляд, представляется более значимым событием, чем судьба мелкого, ни на что в итоге не повлиявшего предателя. Однако именно его фигура привлекла внимание летописца, из чего следует, что она была для него значимой.

Указав на это обстоятельство, перейдем к анализу цитат. Начнем с единственной маркированной (то есть, содержащей указание на источник ее происхождения) цитаты, взятой из 1-го Послания к Тимофею: «хочеть и богатитися, впадають во зло» [26, с. 448]. Данный текст воспроизведен летописцем не совсем точно: в послании Павла соответствующее место звучит так: «Хотящеи и богатитися въпадають въ напасти и похоти многы несмыслъни и вреждающая (здесь *и далее курсив мой* – А.Д.), яже погружаютъ человека всегубительство истлениоу и погыбель» [14, л. 312 об.]. Нами было просмотрено 18 списков Апостолов, относящихся к XV либо к началу XVI в., то есть хронологически близких исследуемым событиям. Во всех них нами было выявлено отличие от летописной цитаты, из чего можно сделать вывод, что летописец, скорее всего, цитировал этот фрагмент по памяти.

Перед тем, как перейти к анализу смыслового содержания данной цитаты, рассмотрим возможные источники ее получения. Апостольские послания до появления Геннадиевской Библии 1499 г. находились в составе Апостола. Он, в свою очередь, имел разновидности: стандартный Апостол, содержащий тексты посланий, Апостол апракос, в котором тексты посланий поделены на зачала и разнесены по дням службы, и, наконец, Толковый Апостол, текст которого представляет из себя славянский перевод толкований Феофилакта Болгарского, появившийся на Руси не позднее XIII в. [10, с. 259] и бытовавший также в XV в. К сожалению, по той цитате, что содержится в летописи, невозможно определить, каким вариантом Апостола мог воспользоваться летописец (во всех вариантах Апостола фраза отличается от летописной). Тем не менее некоторые наблюдения сделать возможно.

Рассматриваемая нами цитата включена в зачало 287. В нем содержатся предостережения против неумеренного стяжательства, подтверждаемые выражениями: «ничто же бо вънесохом въ миръ яве же яко ни изнести что можем» [14, л. 312 об.], «корен бо въсемь злымъ || есть сребролюбие» [14, л. 312 об.–313] и далее

самое главное — «емоу же неции желающе заблудивше прельстишася от истинныя веры и себе пригвоздиша болезнемъ многимъ, ты же о человеце Божии сихъ отбегаи» [14, л. 313]. В толковании Феофилакта Болгарского, содержащимся в Толковом Апостоле также уточняется, что стремление к богатству, сребролюбию «помрачает бо душевней очи и не дасть ити праве» [24, л. 271 об.]. Зачало 289 (из той же главы послания) также содержит обращение к богатым: «Богатымъ въ нинешнемъ вѣце за-прещай... оуповати на богатство изгыбающее но на Бога Живаго» [14, л. 313 об.], «благое делати, богатитися въ делехъ добрыхъ, благоподатливомъ быти съ обещникомъ || съкрывающе себе основание добро въ грядущее, да примутся за вечную жизнь» [14, л. 313 об.–314]. Павел, предостерегая богатых, подчеркивает необходимость накопления богатства духовного, а не земного, именно оно должно быть целью в нынешней жизни. В Толковом Апостоле эта мысль развивается: «Соуть бо ини богатии нъ не въ вѣце семъ. Истиннии богатии иже и праведници яве» [24, л. 272 об.], при этом в толковании присутствует указание о том, что «ничто же бо тако яко богатство надымаетъ и высить» [24, л. 272 об.]. Таким образом, в толковании противопоставляется идея богатства земного, которое делает человека надменным, и богатства небесного, которым обладают праведники. При этом апостол Павел подчеркивает важность накопления духовного богатства для получения жизни вечной, что имеет сотериологическую и эсхатологическую окраску. Своего ученика Тимофея он, напротив, призывает удаляться от желающих богатства: «сихъ отбегаи» [14, л. 313], поскольку он должен «емлися за вечную жизнь въ ней же звань бысть» [14, л. 313]. Соблюдать же это наставление он должен «до явления Господа нашего Исуса Христа еже въ своя времена явить» (в Толковом Апостоле также даются комментарии, подразумевающий второе пришествие: «Явление помяноу Господне», «Се же есть въ пришедшее» [24, л. 272]). Таким образом, этот фрагмент, с одной стороны, противопоставлял поведение богатеющих людей и поведение, к которому должно стремиться. Приведенные выше цитаты имеют эсхатологический контекст: соблюдать это повеление следует вплоть до второго пришествия. Схожие эсхатологические сюжеты прослеживаются, как было отмечено выше, и в Толковом Апостоле.

Из текста послания следует, что стремление к богатству ведет к уклонению от веры, именно от таких людей и от таких поступков призывает уклоняться своего ученика апостол Павел, ибо он человек Божий. Летописец перед тем, как привести данную цитату пишет, что Упадыш «отъ того мзду вземъ отъ злоначалнаго беса, и оттого в напасти и в посползѣніи пагубное свѣта лишающаяся» [26, с. 447–448]. Выделенная часть фразы взята из фрагмента Минеи четъей за февраль, к ней мы обратимся ниже. Выражение же «свѣта лишающаяся» может означать уклонение от веры, поскольку свет в христианстве является образом Христа и лишение света символизировало уклонение от Спасителя (ср.: «Азь есмь светъ миру ходяи по Мне, не имать ходити въ тме, но и || мать светъ животныи» [25, л. 264 об.–265]).

Таким образом, корыстолюбие Упадыша имеет не только и не столько материальное содержание: его уклонение в богатство влечет к отпадению от истины и веры, и, следовательно, связывает его с силами тьмы. Его поступок, следовательно, мог пониматься летописцем как прельщение, которое влечет к духовной пустоте и в конечном итоге лишает вечной жизни. От такого примера согласно цитируемому посланию необходимо уклоняться и соблюдать нравственную чистоту, чтобы получить вечную жизнь, в этом, как мы считаем, состояла одна из целей привлечения данной цитаты составителем летописи – алчность Упадыша служила антипримером для остальных новгородцев.

Рассмотрим далее вторую характеристику Упадыша. Анализ трех немаркированных цитат позволяет выявить в его образе черты, роднящие его с Иудой Искаротом. Первая половина летописной фразы «О, колика блага не памятивъ, недоста-

точное оума достигль еси!» [26, с. 448] взята из Триоди цветной за Великий Пяток: «о коликих благъ беспамятливъ и твои оубо неблагоприятны обличается нравъ» [21, л. 64 об.]. В богослужении за этот день приводится множество обличений Иуды, акцент делается на его предательстве и неблагоприятности в отношении Христа, с которым он сидел за одним столом. В летописи в предшествующем данной фразе предложении летописец обличает Упадыша по схожей модели: он продает за деньги свой родной город: «на мзды ли предаеши врагомъ Новгородъ» [26, с. 448], тот самый, в котором он «сладкого брашна вкусиль» [26, с. 448]. Первый оборот напоминает обвинение Иуды, которое находится в тексте Триоди: «на тридесятих сребреницехъ продаеши Господа» [21, л. 63 об.]. Второй оборот, вероятно, тоже заимствован из Триоди (за Великую Субботу): «За древнее Христе въкоушение сладко брашно Ты въкоуси зълци за тлю смертную изълея Спасе честною Свою кровь яко всемогаи» [13, л. 19 об.]. Приведенный текст представляет из себя тропарь четвертой песни канона Великой Субботы, составленного преподобной Кассией (его можно обнаружить в древних списках Триоди, в дальнейшем тропарь этого канона заменяется другим, однако не исключено, что летописец мог знать этот текст). Тем не менее данный оборот, если он использовался летописцем, представляет из себя риторическую фигуру и содержит иной смысл, нежели в летописном тексте (в Триоди речь идет о том, что Христос пострадал за грехопадение первых людей, «сладко брашно» – образ запретного плода). В тексте Триоди за Великий Пяток мы также встречаем несколько раз выражение «беззаконныи ж Иоуда не въсхоте разоумети» [21, л. 62], что напоминает вторую часть летописной фразы: «недостаточное оума достигль еси!».

Таким образом, обличение Упадыша в неблагоприятности перед Великим Новгородом сравнивается с неблагоприятностью Иуды по отношению ко Христу. Данный оборот, следовательно, также придает городу определенный сакральный статус.

Фраза «Оуне бы ти, Оупадыше, аще не былъ бы во оутробѣ матери: не бы былъ нареченъ предатель Новуграду» [26, с. 448] снова восходит к Триоди: «Оуне ти бы было Иудо аще бы не былъ бы въ оутробе матери оуне ти бы предателю дабы не родилъся отълоучение Сына Божия» [27, л. 18]. Данное песнопение было выявлено С. Н. Тутолминой в древнейших списках триодных песнопений [29, с. 295]. В дальнейшем, как можно проследить по рукописной традиции XIV–XVI вв., оно выходит из употребления. Тем не менее нам удалось обнаружить его в двух Стихирарях постных и цветных XVI в. [15, л. 461; 16, л. 241], а также в двух Триодях цветных, датируемых тем же столетием [11, л. 90; 12, л. 50 об.]. Найти данный текст в рукописях XV в. пока не удалось, однако очевидно, что данное песнопение, как минимум с XI–XII вв. (по датировке древнейшего списка Триоди цветной, хранящегося в РГАДА) было известно на Руси и оставалось таковым в XVI в. (пусть и сохранившись в очень небольшом числе рукописей).

В данном фрагменте легко заметить, как образ Иуды прямо транслируется на Упадыша, а предательство последним Великого Новгорода снова сопоставляется с предательством Иисуса Христа. Таким образом, измена Упадыша приобретала не только и столько политический характер. Она имела церковный, религиозный оттенок, выводивший ее на более высокий и, следовательно, значимый уровень. Вероятно, Триодь послужила основой для выражения «сборищу лукавому предати» из оборота: «но вся яже во гради погубити и сборищу лукавому предати» [26, с. 448], поскольку в указанных произведениях содержится следующее выражение: «Дньсь иже на Христоса лоукавыи събьрася съборъ и на нь соуетьная съвещаша предати Пилату» [21, л. 43 об.]. Если данное сопоставление действительно было сделано летописцем, то тогда легко заметить, что предательство Упадышем Новгорода в пользу Ивана III и москвичей сравнивается с выдачей Христа Пилату и иудеям. Иван III

в данном случае выступает в роли несправедливого судьи, беспричинно напавшего на новгородскую землю и опустошившего ее.

Летописец затем показывает закономерный итог его греховного деяния: «но не возможе свершенія положити своему хотѣнью, ни восхотѣ благословенія, но возлюби клятву, прииде ему» [26, с. 448]. Вторая часть данной цитаты представляет собой парафраз (через инверсию двух частей сложносочиненного предложения) 17 стиха 108-го псалма: «и възлюби клятву и придетъ емоу и не възхоте благословенія но удалится от него» [19, л. 96]. Повествование в нем также связано с Иудой Искаротом. Хотя в самом псалме о нем прямо не говорится, в Деяниях апостолов (несомненно, известных летописцу) при известии о смерти Иуды дается ссылка на данный псалом (Деян. 1:20). Нами было просмотрено два списка Псалтири XV в., содержащие толкования Афанасия Великого и Феодорита Кирского, в которых данный псалом истолковывается, как пророчество о предательстве Иуды и его гибели [18, л. 105–111; 20, л. 197–200], в иллюстрациях данного псалма в Киевской и Угличской Псалтирях содержится изображение удавившегося апостола [22, л. 157; 23, л. 259], в результате чего можно прийти к выводу о том, что на Руси данный псалом воспринимался в качестве пророчества о судьбе Иуды. Добавим, что 108-й псалом читался во время службы за Великий Пяток [21, л. 91–91 об.], поэтому мы считаем логичным предположить, что приведенная цитата из псалма, скорее всего, имеет в качестве источника Триодь цветную, а не Псалтирь.

Все вышесказанное позволяет нам прийти к выводу о том, что летописец вписывает судьбу Упадыша в пророчество об Иуде. При этом толкование псалма, как и общеизвестная судьба Иуды, показывают, что его смерть была не только физической, но и духовной. В новгородских иконах Страшного суда, хранящихся в Эрмитаже и относящихся как раз приблизительно к рассматриваемому периоду, Иуда изображался в виде младенца, сидящего на коленях у дьявола, его посмертная судьба была четко определена: физическая смерть – лишь закономерный итог его предательства. Именно такой смысл, вероятно, летописец приписывал гибели Упадыша, чья казнь была всего лишь зримым воплощением постигшей его духовной гибели, что, как мы показали выше, следует также из текста Апостола.

Перейдем к анализу третьей группы цитат. Они имеют в качестве источника т. н. «Нектария архиепископа Костянтияграда съповѣдание часо ради въ первую соботу Святого Поста память творимъ святого великаго мученика Феодора» [17, л. 349], посвященное воспоминанию о том, как мученик Феодор Тирон явился во сне патриарху Константинополя и рассказал ему, как уберечь христиан от вкушения продуктов, оскверненных жертвенной кровью по приказу императора Юлиана Отступника. Значительная часть цитат, посвященная Упадышу, взята летописцем из этого текста.

Упомянутый выше оборот «отъ того мзду вземъ отъ злоначальнаго бѣса, и оттого в напасти и в поплзѣніе пагубное света лишаящася» имеет в качестве источника выражение «да оуведите преизобилоуемоу благость Бога нашего, не помънение злоу оуму, человеколюбное, длѣготръпное отча емоу къ намъ милосердіа како не презрѣти не оставляеть и въ неведѣніи намъ ратоборемомъ соущемъ многажды от злоначальнаго бѣса и от того съ таибники въ пасти, въ попользновение пагубное паче» [17, л. 351]. В данном случае очевидно, что летописец использовал его в стилистических целях, поскольку созданный им текст содержит иное смысловое наполнение, нежели текст, представленный в Минее (в первом случае речь идет о том, что Упадыш впал в козни бѣса, тогда как во втором говорится о Божьем милосердии). Видоизменение первоначального контекста прослеживается и в выражении «Но не возможе свершенія положити своему хотѣнью» [26, с. 448]. В тексте Миней оно звучит так: «Время въ збѣвѣніе глоубокое, въврещи хотяше, но не възможе

свершения положить своему хотению: ныне же емоу все наченъшю ми повесть, верно слоухы приклоните...» [17, л. 351], являясь риторической фигурой, тогда как в летописи оно прямо используется в отношении Упадыша, сочетаясь с цитатой из 108 псалма. Интересно рассмотреть летописное выражение «яко же тогда ратоборующимся» [26, с. 448]. Оно также восходит к тексту Минеи: «Дивное есть яко же тогда паче ратоборующемся от врага злее и еже въздвигнути ся неудобьпростираемо» [17, л. 352]. Смысл этой фразы таков: во время начала поста Юлиан Отступник действовал особенно сильно против христиан и устраивал различные жестокие казни. В тексте же летописи она связана с тем, что Упадыш хотел предать город войскам Ивана III, с которыми тогда воевали новгородцы. Данное обстоятельство показывает, что новгородский книжник не просто переписывал имеющийся перед ним текст (или очень хорошо ему знакомый), но создавал с помощью содержащихся в нем оборотов нужные ему смыслы.

Однако далее мы видим, что летописец, характеризуя действия новгородского предателя, применяет для его характеристики цитаты, связанные с императором Юлианом. Летописный оборот «Оле бѣда, рещи, и незаконное пооумение тогда обрѣте лукаво зломыслие и кознь нечтивую, не язвами уязвити кого, но вся яже во гради погубити [и зборищу лукавому] предати, яко же тогда ратоборующимся. И злочтивому злочтива пагуба» [26, с. 448] восходит к соответствующим местам Минеи: 1) «сей бо противникъ имеваше оубо съ многымъ попечениемъ, яко языки предръжати и варвары побежати, грады же пленити, противныйъ имеваше же сицевыхъ попечение ни въ что же и мняше сей яко мало и безлепично, а еже христианы погоубити и вероу ихъ неявляемоу створити. Ибоу небрегомоу быти яко великое нее храборство. Оле беда || оле гнева того всячьская покиновениемъ съставляшааго оставити и долы жечь с титиимъ и всюдоу техъ възносити славе възношение» [17, л. 351–352], 2) «А каже и елика от безаконнаго пооумения бываахоу на христианы» [17, л. 352] (далее следует описание зверств, совершаемых императором по отношению к христианам. – А. Д.), 3) «тогда обрете лоукавнѣо зломыслие и кознию нечестивою, не язвами оуязвити или оуморити кого, но вся яже въ граде, въ нечаянии, идолослужению предати» [17, л. 352], 4) «злочѣствоомоу злочѣства зломысльствоу пагоуба» [17, л. 355]. Данные фразы разнесены по всему тексту, однако они все они характеризуют поступки императора Юлиана: в первой противопоставляется его нежелание сражаться против варваров и усердие в истреблении христиан (заметим, что Упадыш, учитывая его летописные характеристики, не участвовал в военных действиях против Ивана III, по крайней мере в тексте не содержится информации об обратном, напротив, он занимался кознями против христиан в Новгороде), во второй – его жестокость, в третьей – попытка хитростью заставить христиан оскверниться жертвенной кровью (что было бы погубительным для них с духовной точки зрения), в четвертой помещено патетическое обращение к императору. Цель Юлиана – погубить христиан и христианскую веру. Очевидно, что летописец, намеренно используя в таком количестве обороты из этого текста, пытался сблизить поступки Юлиана и Упадыша, который также хитростью (тайно сговорившись с москвичами) пытался добиться, по мысли автора, гибели христианской веры в Великом Новгороде.

Финальная часть текста, посвященная Упадышу: «и крестьяньстѣи вѣрѣ не гиблющи, яко же козни тоя неподобные и не оуспѣшное злоимство, но Богъ, за милосердіе щедротъ, чловѣколюбное долготръпѣніе и незлобивое его око како не презритъ, и не оставляетъ благи Богъ нашъ, не дасть насъ во оуловленіе съти ихъ и в помненіе нечестивыхъ» [26, с. 448] также является компиляцией из выражений Минеи: «да оуведите преизобилоуемоу благодѣи Богъ нашего, не помънение злоу оуму, чловеколюбное, длѣготръпѣное Отца Емоу къ намъ милосердіа како не пре-

зрить не оставляет... вънемлете хотящимъ изърещися како благый Богъ нашъ не остави насъ въ оуловлении зѹбомъ лоукавыхъ и въ пооумении нечестивыхъ... И о семь въ мнозе бяше подвиже незаконный, симъ же тако соущемъ и оубо христианстей вере не гибнѹщи... И потомъ недели той исходящи, яко же къзни тоя безъдобное и неоуспешное зломысльство Иоулианъ оуведевъ яве соуще и въдръжавесь и победенъ бывъ» [17, л. 351–354]. Данные обороты связаны с разными сюжетами: общая хвала Богу за Его заступничество, указание на то, что христиане выстояли во время казней Юлиана, их победа над хитрым замыслом императора. Летописец, таким образом, сравнивал неудачу планов Упадыша, направленных против новгородцев (которые виделись летописцу прежде всего в качестве христиан!), с крахом антихристианского замысла римского императора.

Прежде чем перейти к общим выводам, отметим, что все указанные обороты летописец цитировал вполне осознанно. Фрагмент из 1-го Послания апостола Павла к Тимофею и песнопения Триоди цветной используются в разные дни службы: первый читается в среду 27-й недели, вторые – во время Страстной Седмицы, между ними находится 14 недель (4 недели до начала подготовки к Великому Посту и 9 недель до начала Страстной Седмицы). Минеи чѣты же не предназначены для службы. Следовательно, все указанные выражения, вне зависимости от источника получения информации (на службе – в случае с Триодью и Апостолом или путем чтения этих книг вместе с Минеей вне службы), подбирались автором самостоятельно из конкретных источников.

Выводы

Таким образом, в результате применения центонно-парафразного метода мы можем прийти к выводу о наличии в тексте летописи трех взаимодополняющих сюжета, лежащих в основе характеристики Упадыша: во-первых, это тема богатства и корыстолюбия, которые отвращают людей от веры и ведут к конечной гибели, что делает Упадыша особенно опасным для новгородского общества, во-вторых, сравнение Упадыша с Иудой, а его предательство Новгорода – с предательством Иисуса Христа, и, в-третьих, сближение новгородца с фигурой императора Юлиана, действия которого были направлены на уничтожение христианства, что снова подчеркивает опасность фигуры этого изменника для остальных новгородцев. Все рассмотренные нами цитаты и обороты позволяют сказать, что в основе характеристики Упадыша лежала религиозная, а не социально-политическая, как считалось ранее, оценка. Обличая Упадыша, летописец не примыкал к «литовской» или «московской» группировкам. Его предательство мыслилось летописцем в первую очередь в качестве угрозы для всех христиан и христианской веры в Новгороде.

Список источников и литературы

1. *Алексеев Ю. Г.* «К Москве хотим»: Закат боярской республики в Новгороде. Л.: Лениздат, 1991. 158 с.
2. *Алексеев Ю. Г.* Под знаменами Москвы: Борьба за единство Руси. М.: Мысль, 1992. 268 с.
3. *Бобров А. Г.* Новгородские летописи XV века. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. 287 с.
4. *Данилевский И. Н.* Герменевтические основы изучения летописных текстов. Повесть временных лет. 2-е изд., перераб. и доп. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2019. 448 с.
5. *Демичева Н. А.* Древнерусские произведения о включении Северо-Западных земель в состав Московского государства: проблематика, текстология, стиль: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / Демичева Наталья Алексеевна. М., 2020. 237 с.

6. Демичева Н. А. Человек в осажденном городе: к проблеме изучения «девиантного» текста в историческом повествовании Древней Руси // Вестник славянских культур. 2024. Т. 73. С. 250–260.
7. Карамзин Н. И. История Государства Российского. Т. 6. СПб.: Тип. Н. Греча, 1819. 543 с.
8. Лихачев Д. С. Национальное самосознание Древней Руси: Очерки из области русской литературы XI–XVII вв. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1945. 121 с.
9. Лурье Я. С. Две истории Руси XV в.: Ранние и поздние, независимые и официальные летописи об образовании Московского государства. СПб.: Дмитрий Буланин, 1994. 238 с.
10. Михеев С. М. Нумерация толкований, схолии и перекрестные ссылки в древнерусских рукописях: к ранней истории славянского Толкового апостола // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. 2021. № 1. С. 246–267.
11. НИОР БАН (Научно-исследовательский отдел рукописей Библиотеки Академии наук). Архангельское собрание. Древлехранилище. № 115.
12. НИОР БАН. Архангельское собрание. Семинария. № 76.
13. ОР ГИМ (Отдел рукописей Государственного исторического музея). Синодальное (патриаршее) собрание славянских рукописей. № 896.
14. ОР РГБ (Отдел рукописей Российской государственной библиотеки). Ф. 98. № 121.
15. ОР РГБ. Ф. 113. № 240.
16. ОР РГБ. Ф. 113. № 262.
17. ОР РГБ. Ф. 173/I. № 92.1.
18. ОР РГБ. Ф. 228. № 46.
19. ОР РГБ. Ф. 256. № 328.
20. ОР РГБ. Ф. 256. № 334.
21. ОР РГБ. Ф. 272. № 260.
22. ОР РНБ (Отдел рукописей Российской национальной библиотеки). Ф. 536. Оп. 1. F. 6.
23. ОР РНБ. Ф. 550. F.I.5.
24. ОР РНБ. Ф. 550. F.п.I.24.
25. ОР РНБ. Ф. 588. Оп. 2. № 20.
26. Полное собрание русских летописей. Т. 4, ч. 1: Новгородская четвертая летопись. М.: ЯРК, 2000. 728 с.
27. РГАДА (Российский государственный архив древних актов). Ф. 381. Оп. 1. Д. 138.
28. Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Т. 5. 5-е изд. М.: в Университет. тип. (М. Катков), 1882. 468 с.
29. Тутолмина С. Н. Русские певческие Триоди древнейшей традиции: дис. ... канд. искусствоведения: 17.00.02 / Тутолмина София Николаевна. СПб., 2004. 327 с.
30. Филюшкин А. И. Андрей Михайлович Курбский: просопографическое исследование и герменевтический комментарий к посланиям Андрея Курбского Ивану Грозному. СПб.: Изд-во Санкт-Петерб. ун-та, 2007. 624 с.
31. Чирейкина О. Ю. Повести о присоединении Новгорода к Москве в летописях XV–XVII вв. и литературных сборниках: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / Чирейкина Ольга Юрьевна. Барнаул, 2001. 215 с.

References

1. Alekseyev, YuG 1991, “*K Moskve khotim*”: *Zakat boyarskoy respubliki v Novgorode* (“We want to see Moscow”. The sunset of the Boyar Republic in Novgorod), Lenizdat publ, Leningrad. (In Russ.)
2. Alekseyev, YuG 1992, *Pod znamyonami Moskvyy: Borba za yedinstvo Rusi* (Under the banners of Moscow. The struggle for the unity of Russia), Mysl publ, Moscow. (In Russ.)
3. Bobrov, AG 2000, *Novgorodskiye letopisi XV veka* (Novgorod chronicles of the XV century), Dmitriy Bulanin publ, St. Petersburg. (In Russ.)
4. Danilevskiy, IN 2019, *Germenevticheskiye osnovy izucheniya letopisnykh tekstov. Povest vremennykh let* (Hermeneutic foundations of the study of chronicle texts. The Tale of Bygone Years), 2nd edn, Izdatelstvo Olega Abyshko publ, St. Petersburg. (In Russ.)

5. Demicheva, NA 2020, *Drevnerusskiye proizvedeniya o vklyuchenii Severo-Zapadnykh zemel v sostav Moskovskogo gosudarstva: problematika, tekstologiya, stil* (Ancient Russian works on the incorporation of the North-Western lands into the Moscow state: problems, textology, style), PhD thesis, Lomonosov Moscow State University, Moscow. (In Russ.)
6. Demicheva, NA 2024, 'Chelovek v osazhdyonnom gorode: K probleme izucheniya "deviantnogo teksta" v istoricheskom povestvovanii Drevney Rusi' (A Person in a Besieged City: on Studying the "Deviant" Text in a Historical Narrative of Old Russia), *Vestnik slavyanskikh kultur* (Bulletin of Slavic Cultures), vol. 73, pp. 250–260. (In Russ.)
7. Karamzin, NI 1819, *Istoriya Gosudarstva Rossiyskogo* (The History of the Russian State), vol. 6, Tipografiya N. Grecha publ, St. Petersburg. (In Russ.)
8. Likhachev, DS 1945, *Natsionalnoye samosoznaniye Drevney Rusi: ocherki iz oblasti russkoy literatury XI–XVII vv.* (National identity of Old Russia: Essays from the field of Russian literature of the 11th –17th centuries), Izdatelstvo Akademii nauk SSSR publ, Moscow; Leningrad. (In Russ.)
9. Lurie, YaS 1994, *Dve istorii Rusi XV veka: Ranniye i pozdniye, nezavisimyye i offitsialnyye letopisi o formirovanii Moskovskogo gosudarstva* (Two histories of Russia in the 15th century. Early and late, independent and official chronicles of the formation of the Moscow state), Dmitriy Bulanin publ, St. Petersburg. (In Russ.)
10. Mikhееv, SM 2021, 'Numeratsiya tolkovaniy, skholii i perekryostnyye ssylki v drevnerusskikh rukopisyakh: k ranney istorii slavyanskogo Tolkovogo apostola' (The numbering of interpretations, scholia and cross-references in Old Russian manuscripts: on the early history of the Slavonic Exegetical Apostol), *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova* (Proceedings of the V.V. Vinogradov Russian Language Institute), no 1, pp. 246–267. (In Russ.)
11. *Nauchno-issledovatel'skiy otdel rukopisey Biblioteki Akademii nauk (NIOR BAN), Arhangelskoye sobraniye, Drevlekhranilishche* (The Department of Manuscripts of the Library of the Russian Academy of Sciences. Arkhangelsk collection. Archives), file 115. (In Russ.)
12. *NIOR BAN, Arhangelskoye sobraniye, Seminariya* (NIOR BAN, Arkhangelsk collection, Seminary), file 76. (In Russ.)
13. *Otdel rukopisey Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya (OR GIM)* (The Department of manuscripts of the State Historical Museum), Sinodalnoye (patriarshee) sobraniye, file 896. (In Russ.)
14. *Otdel rukopisey Rossiyskoy gosudarstvennoy biblioteki (OR RGB)* (the Department of manuscripts of Russian State Library), fund 98, file 121. (In Russ.)
15. *OR RGB*, fund 113, file 240. (In Russ.)
16. *OR RGB*, fund 113, file 262. (In Russ.)
17. *OR RGB*, fund 173/I, file 92.1. (In Russ.)
18. *OR RGB*, fund 228, file 46. (In Russ.)
19. *OR RGB*, fund 256, file 328. (In Russ.)
20. *OR RGB*, fund 256, file 334. (In Russ.)
21. *OR RGB*, fund 272, file 260. (In Russ.)
22. *Otdel rukopisey Rossiyskoy natsionalnoy biblioteki (OR RNB)* (the Manuscripts Department of the National Library of Russia), fund 536, inventory 1, F.6. (In Russ.)
23. *OR RNB*, fund 550, F.I.5. (In Russ.)
24. *OR RNB*, fund 550, F.п.I.24. (In Russ.)
25. *OR RNB*, fund 588, inventory 2, file 20. (In Russ.)
26. 'Novgorodskaya chetvyortaya letopis' (Novgorod Fourth Chronicle) 2000, *Polnoye sobraniye russkikh letopisey* (Complete Collection of Russian Chronicles), vol. 4, part 1, Yazyki russkoy kultury publ, Moscow. (In Russ.)
27. *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov (RGADA)* (Russian State Archive of Ancient Acts), fund 381, inventory 1, file 138. (In Russ.)
28. Solovyov, SM 1882, *Istoriya Rossii s drevneyshikh vremyon* (The history of Russia since ancient times), vol. 5, Universitetskaya tipografiya (M. Katkov) publ, Moscow. (In Russ.)
29. Tutolmina, SN 2004, *Russkiye pevcheskiye Triodi drevneyshey traditsii* (Russian singing Triodes of the most ancient tradition), PhD thesis, Saint-Petersburg State Conservatory named after N.A. Rimsky-Korsakov, St. Petersburg. (In Russ.)

30. Filyushkin, AI 2007, *Andrey Mikhailovich Kurbsky: Prosopograficheskoye issledovaniye i germenevticheskiy kommentariy k poslaniyam Andrey Kurbskogo Ivanu Groznomu* (Andrey Mikhailovich Kurbsky: Prosopographical research and hermeneutic commentary on Andrey Kurbsky's epistles to Ivan the Terrible), Izdatelstvo Sankt-Peterburgskogo universiteta publ, St. Petersburg. (In Russ.)
31. Chireykina, OYu 2001, *Povesti o prisoedinenii Novgoroda k Moskve v letopisyakh XV–XVII vv. i literaturnykh sbornikakh* (Stories about the annexation of Novgorod to Moscow in the chronicles of the 15th — 17th centuries and literary collections), PhD thesis, Altai State University, Barnaul. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 26.07.2026
Одобрена после рецензирования: 27.08.2026
Принята к публикации: 21.09.2026

The article was submitted: 26.07.2026
Approved after reviewing: 27.08.2026
Accepted for publication: 21.09.2026